

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»: УРОВЕНЬ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Статья выполнена при финансовой поддержке внутривузовского гранта по проведению приоритетных исследований науки, технологии и техники ВКГ131-07

Известно, что художественный текст – это совокупность авторских концептов, каждый из которых имеет свое номинативное поле, номинанты которого претерпевают преобразования при переводе произведения на структурно иной язык. Под текстом понимаем, вслед за Н. Ф. Алефиренко, целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора [Алефиренко 2005: 303]. Текст является результатом речевой деятельности, и в тоже время он процессуален и динамичен [Фомичева 2006: 492]. По мнению В. А. Новосельцевой, концепт художественного текста представляет собой сложное целое, содержание которого представлено набором семантических признаков [Новосельцева 2003]. Концепт задает основные параметры семантической программы, реализуемой им [Топорова 2003: 41]. Сопоставительный анализ компонентов глубинной и поверхностной структур номинантов номинативных полей художественных текстов позволяет установить соотношение объема информации, заложенной писателем в текст и интерпретированной переводчиком. Различие объема информации обусловлено тем, что ментальные пространства индивидов никогда не совпадают и определяются индивидуальными знаниями. Репрезентируясь индивидуальным «вербальным кодом», ментальные пространства, по мнению Т. А. Фесенко, могут иметь «общие зоны» [Фесенко 2005: 33], которые предопределяют степень достоверности перевода. В структуре концептосферы любого языка может быть выделен ряд концептов, которые представляют собой стуски культуры в сознании человека [Степанов 2001: 43]. Являясь основной ячейкой культуры в ментальном мире человека, концепт в интертекстуальном и интеркультурном поле перевода получает новую смысловую валентность [Ельцова 2003: 126], так как при переводе должна сохраняться инвариантность смыслового ядра концепта, но в ряде случаев происходит замена национально-специ-

фической периферии исходного текста. Расхождения прослеживаются на уровне лексико-семантического сегмента номинативного поля концепта. В статье представляется интересным рассмотреть сегмент номинативного поля концепта «русская интеллигенция», состоящий из двух концептов-элементов: «столичная интеллигенция» и «местная интеллигенция», характеризующих героев, чей облик запечатлен Б. Пастернаком на страницах романа «Доктор Живаго». Итак, сопоставительному анализу была подвержена структура номинантов в следующем контексте оригинала *«Ларисе Федоровне по душе были нравы захолустья, по-северному окающая местная интеллигенция в валенках и теплых кацавейках из серой фланели, их наивная доверчивость»* [Пастернак 1989: 122] и его переводе на французский язык: *‘Lara aimait la vie de ce coin retiré, les intellectuels de l’endroit qui prononçait tous les «o» distinctement, comme les Russes du Nord, leur bottes de feutre et leurs vestes douillettes en flanelle grise, leur confiance naïve’* [Pasternak 1958: 143] и на английский язык *‘Larisa Feodorovna liked Yuriatin’s provincial ways, the long vowels of its northern accent, and the naïve trustfulness of its intelligentsia, who wore felt boots and grey flannel sleeveless coats. She was drawn to the land to the common people’* [Pasternak 1958: 106]. Выявлен следующий ряд номинантов исследуемого номинативного поля концепта-элемента «местная интеллигенция»: «нравы захолустья», «по-северному окающая», «наивная доверчивость», «валенки» и «теплые кацавейки из серой фланели». Исследование показало, что структура вышеуказанных номинантов адаптирована на языки перевода в разном объеме: во-первых, номинант «нравы захолустья» переведен на французский язык описательно и стилистически нейтрально *‘la vie de ce coin retiré’* (жизнь уединенного уголка), но в языке перевода есть другие эквиваленты *‘province éloignée’, ‘trou de province’, ‘coin perdu’*; более того, лексема «нравы» упущена. В английском переводном варианте выявлена вставка *‘Yuriatin’s’* и стилистически нейтральный эквивалент *‘provincial ways’*, но в словаре есть и другие эквиваленты, часть из которых стилистически окрашена *‘solitude’, ‘lonely/dreary spot’, ‘back of beyond’, ‘remote place’, ‘poky hole of a place’*. Таким образом, структура номинанта претерпела изменения, приведшие к ее асимметричной передаче на переводной язык. Во-вторых, номинант «по-северному окающая» переведен описательно на французский язык: *‘qui prononçait tous les «o» distinctement comme les Russes du Nord’*; в английском переводном варианте выявлено искажение действительности, описанной в оригинале: *‘the long vowels of its northern accent’* (длинные гласные северного акцента). В-третьих, номинант «на-

ивная доверчивость» адаптирован симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения, что обусловлено структурой переводного языка 'leur sofiance naïve', тогда как английский переводной вариант симметричен инварианту 'the naïve trustfulness'. Номинант «валенки» переведен эквивалентом 'leur bottes de feutre', а в английском тексте выявлен эквивалент 'felt boots' (войлочные сапоги), но словарь также предлагает транслитерированный вариант 'valenki'. Номинант «теплые кацавейки из серой фланели» переведен путем подбора эквивалента 'leurs vestes douillettes en flanelle grise', в тексте на английском языке встречаем описание: 'grey flannel sleeveless coats'. Более того, в исследуемом контексте выявлен номинант «местная интеллигенция», который адаптирован на французский язык путем морфолого-аналитической транспозиции части речи: имя прилагательное «местная» адаптировано как 'de l'endroit' – 'les intellectuels de l'endroit', тогда как в английском варианте выявлено опущение лексемы «местная», а лексема «интеллигенция» транслитерирована: 'intelligentsia'. Исследование номинативного поля концепта-элемента «столичная интеллигенция» выявило следующие номинанты «по душе нравы захолустья» (характеристика Ларисы Федоровны), «сын московского железнодорожного рабочего», «неисправимый столичный житель», «строже жены относился к юрятинцам» (характеристика Павла Павловича): «*По странности как раз сын московского железнодорожного рабочего Павел Павлович оказался неисправимым столичным жителем. Он гораздо строже жены относился к юрятинцам*» [Пастернак 1989: 122], что переведено на французский язык как '*En revanche, Pacha Antipov, quoique fils de cheminot, avait la nostalgie des capitales. Il était beaucoup plus sévère que sa femme à l'égard des habitants de Youriatine*' [Pasternak 1958: 143], а на английский как '*Paradoxically, it was her husband, Pavel Pavlovich, the son of a Moscow railway worker, who turned out to be an incorrigible urbanite. He judged the people of Yuriatin much more harshly than she*' [Pasternak 1958: 106]. Сопоставление глубинной и поверхностной структур номинантов оригинала и перевода показало, что номинант «по душе нравы захолустья», где нас интересует компонент «по душе», адаптирован стилистически нейтральными глаголами 'aimait' и 'liked'. Номинант «сын московского железнодорожного рабочего» переведен как '*fils de cheminot*', где упущена лексема «московского», тогда как английский переводной вариант '*the son of a Moscow railway worker*' симметричен оригиналу в полном объеме. Номинант «неисправимый столичный житель» адаптирован описательно на французский язык '*avait la nostalgie des*

capitals' и с помощью эквивалента на английский язык *'an incorrigible urbanite'*. Номинант «строже жены относился к юрятинцам» адаптирован описательно как на французский язык *'plus sévère que sa femme à l'égard des habitants de Youriatine'*, так и на английский язык *'judged the people of Yuriatin much more harshly than she'*.

Таким образом, в результате сопоставительного анализа структуры рассмотренных номинантов номинативных полей концептов-элементов «столичная интеллигенция» и «местная интеллигенция» на материале художественного произведения «Доктор Живаго» и текстов его перевода на французский и английский языки были выявлены следующие тенденции адаптации: план содержания номинантов адаптирован частично, тогда как план выражения трансформирован практически во всех из рассмотренных случаев. Структура концепта-элемента «столичная интеллигенция» адаптирована в меньшем объеме по сравнению со структурой концепта-элемента «местная интеллигенция», что, в общем, привело к асимметрии инварианта исследуемого номинативного поля и его переводных вариантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Моногр. М.: Гнозис, 2005.
2. Ельцова Е. Н. Смысловая валентность концептов в тексте перевода // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: В 2 ч. Ч. 2. Тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 126-127.
3. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
4. Новосельцева В. А. О соотношении понятий «содержание художественного концепта» и «лексическое значение художественного слова» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: В 2 ч. Ч. 2. Тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 26-28.
5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
6. Топорова В. П. Семантическая программа концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: В 2 ч. Ч. 2. Тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 39-41.
7. Фомичева Ж. Е. О когнитивно-стилистическом подходе к анализу художественного текста // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. С. 491-493.
8. Фесенко Т. А. К проблеме когнитивной модели текста // Филология и культура: Мат-лы конф. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 32-35.

Список источников примеров

9. Пастернак Б. А. Доктор Живаго. Роман. М.: «Книжная палата», 1989.
10. Pasternak B. Le docteur Jivago. P.: Edition Gallimard, 1958.
11. Pasternak B. Doctor Zhivago. N. Y.: A Division of Random House / Tr. from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. 1958.

Т. И. Смирнова
(Вологда)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ

Лексика религиозно-духовного контекста (конфессиональная) долгие годы в силу известных исторических и политических причин находилась в пассивном запасе. В настоящее время открылись широкие возможности для межъязыкового общения, что, в свою очередь, потребовало также лексикографического описания религиозной терминологии, которая является важным компонентом социокультурной жизни народа. Двужычные словари религиозной лексики помогают обеспечить точность перевода с одного языка на другой, и, несомненно, способствуют идеокультурной адаптации. На материале немецкого языка нами составлен и готовится к изданию Немецко-русский и Русско-немецкий словарь религиозной лексики (составители проф. С. М. Кибардина, Т. И. Смирнова). Акцент сделан на православную религиозную лексику, но в словарь включены также основные термины по другим религиям мира, которые наиболее часто встречаются при переводе.

Перевод церковной терминологии сопряжен с целым рядом трудностей, так как он предполагает учет конфессионального признака, национальных и исторических факторов, а также лексического анализа состава наименований, например, названий культовых произведений и библейских фразеологизмов (БФ). Так, общие библейские сюжеты и образы могут реализоваться и в виде сходных, и в виде национально-специфических БФ. Хрестоматийным примером является БФ «*блудный сын*», номинация которого в русском языке определяется внутренней формой, связанной с глаголом «блуждать» и с глаголом «блудить». В английском и французском языке название сына означает «сын-расточитель». Во внутренней форме немецкого эквивалента этого БФ отражено отношение к сыну его отца: «*der verlorene Sohn*» – букв. «*потерянный сын*». В основу номинации положены, таким образом,